

УДК 376: 376.1; 159.922.7; 37.013.42; 364.4; 316.334.3; 93/94

КАЛИННИКОВА-МАГНУССОН Лия Владимировна, кандидат педагогических наук, научный сотрудник научного центра российских и евразийских исследований университета Упсалы (Швеция), старший преподаватель университета Йевле (Швеция). Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. двух учебных пособий и одной монографии

МАГНУССОН Магнус, старший преподаватель департамента специального образования Университета Стокгольма, профессор кафедры языков народов Севера института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 100 научных публикаций

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДЕТСКОЙ «ДЕФЕКТИВНОСТИ» В ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД И ПЕРВУЮ ДЕКАДУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1914–1927 годы)

Социальная политика в области «детской дефективности» военного времени и первых лет советской власти (1914–1927 годы) формировалась в условиях тяжелейших социально-политических потрясений. Многомиллионные демографические потери будущего человеческого ресурса в виде плохого здоровья детей, высокой детской смертности, потенциально нерожденных в будущем десятилетия детей стоят в ряду с другими фактами военно-революционных последствий обсуждаемого периода. Анализ текстов различных исторических документов, релевантных доминирующим политическому и научному дискурсам в этой области, позволил определить сущность социальной доктрины страны Советов и ее роль в понимании ключевых акторов новой социальной политики в области «дефективного» детства. Детская «дефективность» приобретала расширенное толкование. Появляются «новые дефективные» дети – беспризорники и уличные дети и подростки. Благотворительная и частная формы социального призрения «дефективных/больных» детей, поддерживаемые социальной политикой Российской империи, были национализированы. На их место пришли «новые учреждения»: первые прототипы советских интернатных учреждений («школы-коммуны для морально дефективных»). Понимаемые традиционно «дефективные/больные» и «новые дефективные» дети и подростки стали единой «армией морально дефективных». Новая социальная доктрина страны Советов, выразившаяся в принципе социалистического гуманизма, на практике (по различным причинам) не смогла защитить право наиболее нуждающейся группы детского населения на полноту членства в новом обществе. Научный дискурс «заботы» зарождался в недрах лечебной педагогики и педологии. Дефектология, восходящая на место научной филантропии, становится фундаментом научного знания о «дефективных» детях и решающим регулятором социально-политических дискуссий «заботы» о них в последующих декадах советского времени.

Ключевые слова: детская дефективность, «новые» дефективные дети, социальная политика, принцип социалистического гуманизма, специальные учреждения.

Период Первой мировой войны (1914–1918), Октябрьской революции (1917) и последовавшей вслед гражданской войны (1917–1922) стал периодом тяжелейших системных потрясений, повлекшим за собой многомиллионные по численности катастрофы и потери для детского населения [1, 2]. Это прежде всего потери будущего человеческого ресурса молодой страны Советов, которые исчислялись высокими демографическими потерями: плохим здоровьем детей и высокой детской смертностью, а также потенциально нерожденными в будущие десятилетия детьми. Размеры потрясений среди детского населения невозможно представить с точной достоверностью. По данным различных источников, только бездомных детей в период гражданской войны насчитывалось от 7 до 9 млн¹ [3]. Размеры же беспризорности и сиротства не поддаются обобщению. Эта ситуация осложнялась эпидемиологической ситуацией и голодом. Среди уличных детей были и так называемые дефективные дети. Военно-революционная ситуация в стране нуждалась в поиске решений. Для «дефективных» и бездомных уличных детей, ставших на время «армией морально-дефективных», создаются условия «заботы» через внедрение учреждений для них в различные здания и приспособление их для нужд детей и подростков [4]. Эти решения носили спешный характер и имели целью удовлетворить базовые потребности детей в безопасности (еде, тепле, одежде). Накануне и в период военно-революционных событий зарождается новое научное знание о детях с нарушениями развития – «дефектология». Пришедшее на смену научной филантропии, оно сыграет ключевую роль в советских социально-политических дискуссиях о «дефективных» детях в будущем [5].

Методология нашего исследования основана на анализе текстов различных исторических

документов, имеющих непосредственное отношение к вопросам социальной политики дефективного детства и релевантных доминирующим политическому и научному дискурсам в этой области военно-революционного периода (1914–1927). Доступные данному исследованию источники включали государственные документы [6], личные дневники ответственных руководителей советской страны [7, 8], научные статьи и монографии. Среди научных работ использовались наиболее авторитетные монографии (в области нарушенного развития) дореволюционного и советского времени: Г. Трошина [9], Л. Выготского [10, 11], А. Басовой [12], В. Кащенко [13] и Х. Замского [14]; анализировались тексты журналов «Педология» и «Вопросы дефектологии»². Научный дискурс ограничивался обращением к *педологии* и *дефектологии* как наиболее адекватным научным источникам в области дефективного детства изучаемого периода.

«Дефективные» дети и забота о них в царской России. В царской России конца XIX – начала XX века забота о детях с нарушениями развития имела схожий с европейскими странами сценарий развития: от частной и индивидуальной помощи нуждающимся к государственной системе социального страхования. В таких странах, как Германия и Швеция, социальная политика становилась результатом постоянных обменов между специалистами различных уровней, развития частной филантропии и позднее – систематического накопления знаний в области заботы о нуждающихся, положившего начало возникновению научной филантропии. Россия активно участвовала в этих процессах обмена и строила внутреннюю социальную политику, опираясь на достижения европейцев [15, 16]. Социальная история располагает значительным фактическим материалом, подтверждающая эти тенденции.

¹Беспризорные дети. URL: <http://wiki.laser.ru/index.php/%D0%91%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 20.01.2015).

²В настоящее время журнал называется «Дефектология».

Так, в России развитие филантропических форм помощи и учреждений поддерживалось императорской семьей, личные вложения которой в эту сферу играли доминирующую роль среди всех прочих инициатив и пожертвований того времени. Министерство внутренних дел как государственный представитель власти, на которого была возложена ответственность за социальную помощь нуждающимся, имело чрезвычайно ограниченные ресурсы поддержки. Основная функция государства заключалась в «одобрении» и привлечении местных благотворительных инициатив в развитие различных учреждений помощи [16–18].

Типичным примером социальных учреждений для детей с нарушениями развития были приюты, создаваемые на средства частных пожертвований. Приюты создавались не только по типу нарушения у детей, но и по признаку «класса», религиозной и этнической принадлежности. Сами благотворители таких заведений, жертвуя средства, скорее заботились

о «спасении своей души», чем об истинном улучшении жизни «дефективных»³ детей. Например, одной из форм работы таких приютов был поиск наиболее страдающих и убогих детей для местной аристократии, желавшей таким образом выразить свою заботу о них [19]. В силу слабого развития медицины и отсутствия профессиональной помощи такие дети рано умирали, а те, кто выживал, не могли быть квалифицированы как «дефективные» из-за отсутствия социальной инфраструктуры для такой процедуры. Образовательная среда для таких детей отсутствовала вовсе. Эти дети находились среди обычных детей и распознавались чаще всего как «больные», «дураки», «глупые», «слабоумные», «убогие», «калеки» и др. Бедность, неграмотность основной части населения как в центральных городах России, так и на ее периферии создавали дополнительные условия бедственного существования для этой группы детей: они росли в условиях попрошайничества и пренебрежения.

³Известно, что термин «дефективные дети» возник на рубеже XIX–XX веков. Однако до сих пор однозначного мнения среди советских и российских ученых относительно природы термина «дефективные дети» нет. Вместе с тем анализ тех данных, которые удастся найти, говорит о том, что термин является заимствованным из лечебной педагогики Германии [20].

Врач-психиатр В.П. Кашенко, организовавший в Москве школу-санаторий для дефективных детей – одно из первых учреждений для аномальных детей в России, – развивал в своих работах тему трудных детей (нервных, отставших от самих себя, т. е. от своего возраста, детей «дефективных»). Всеволод Петрович использовал термин «дефективные дети» и написал книгу под названием «Дефективные дети и школа» (1912). Российские ученые в области специального образования, среди которых и член-корреспондент РАО Н.Н. Малофеев, занимающийся проблемой эволюции национальных систем специального образования, считают, что именно В.П. Кашенко первым в России стал использовать термин «дефективные дети» и предложил его толкование. В своих работах о трудных детях он предпочитал использовать термин исключительные дети, «...подчеркивая, что врачи и педагоги имеют дело с аномалиями, обусловленными не только органическими недостатками, но и <...> неправильным образом жизни, неблагоприятными социальными условиями» [21, с. 141]. Можно сказать, что термин «дефективные дети» стал первым научным обобщающим термином для обозначения группы детей с различными нарушениями развития.

Е. Грачёва, работая в созданном ею приюте в 1984 году в Петербурге и в других приютах Петербурга, в своей практике использовала более житейские и просторечные термины: идиоты, умственно отсталые, припадочные, калеки, больные дети, несчастные дети-страдалцы и др., которые современные ученые объединяют в группу детей с глубокими нарушениями развития [14, с. 117–135].

В первые годы советской власти границы «дефективности» были значительно расширены и термин «дефективные дети», получив широкое толкование, изменился на «морально-дефективные». К «больным/дефективным» детям присоединили бездомных и уличных детей, у которых была трудная, нередко криминальная/разбойная жизненная история выживания на улице: «заброшенные, задавленные жизнью, исковерканные ею ребята». Приходилось «воспитывать озлобленных, больных, живших долгое время в тяжелых условиях звериной борьбы за существование, в атмосфере разврата ребят» [19, с. 149].

Все эти факты свидетельствуют о том, что государственная политика в области заботы о детях с нарушениями развития носила недифференцированный характер и опиралась исключительно на частные инициативы и благотворительные источники. В условиях филантропической модели развития помощи зарождались первые научные знания о детях с нарушениями развития – научная филантропия.

Военно-революционные условия и новые принципы государственной заботы об «армии морально дефективных». Первая мировая и последовавшие за ней революционные события 1917 года поставили на повестку дня такие социальные вопросы детства, решение которых кардинально изменило судьбу «дефективных» детей в России. Доминирующая тенденция в создании благотворительных учреждений для таких детей в период Первой мировой сменилась их тотальным закрытием и национализацией сразу после Октябрьской революции. Борьба с детской дефективностью приобрела исключительное значение и стала «работой большой государственной важности» [22]. Военно-революционные условия взывали к новой политической доктрине социальной заботы о детях, включая и детей с нарушениями развития. Цитируя Н. Крупскую [23, 24], новая доктрина провозглашала: «Беспризорные, заброшенные, больные ребята должны стать родными, любимыми детьми Советской республики» [25, с. 151], и среди этих детей были дети с нарушениями развития. Государственное строительство системы помощи было в самом своем начале и его успех борьбы с детской дефективностью виделся в совместных усилиях общества и государства [22].

«Охрана прав детства», «социальное материнство», «социальная гигиена», «борьба с неграмотностью» и «борьба с голодом» стали первыми социальными проектами строительства государственной системы заботы о детях в мо-

лодой республике Советов [8, 17, 25, 26]. В борьбе против бездомности и дефективности первые принципы новой доктрины провозглашали общественное образование в духе коллективизма, воспитание физически здоровых детей, обеспечение бесплатным питанием, защиту прав детей от трудовой эксплуатации [2, 7].

Забота о «дефективных» детях с самого начала строительства государственной системы создавалась усилиями нескольких комиссариатов: образования, социального обеспечения, здравоохранения и юстиции; нескольких комиссий и комитетов (их деятельность была направлена на защиту детей, на улучшение их материальных условий и здоровья). Такие дети стали разделяться по типу нарушения (а вскоре и по тяжести нарушения), социальная политика заботы о них стала идентифицироваться через разделение ответственности между несколькими комиссариатами, что привело к появлению новых типов учреждений для таких детей. Однако этот процесс был полон противоречивости. Военно-революционные события вносили свои правки в дело борьбы с детской «дефективностью».

Дефективные и беспризорные дети стали единой «морально-дефективной» общностью, нуждающейся в единых условиях заботы. На практике это выразилось в совместном размещении подростков с «уличной» историей выживания и детей, которые не могли себя обслуживать и нуждались в постоянном уходе. На примере известных приютов для «больных детей» в Петербурге, суть работы которых запечатлено в дневниках основателя одного из них, Е. Грачёвой [19]⁴, показано, что процесс спешного объединения разных по своим социальным потребностям детей и подростков крайне негативно сказывался на состоянии «больных» детей. Они подвергались различному насилию со стороны «заселенных» подростков, умирали от голода, холода, отсутствия средств гигиены и одежды:

⁴Екатерина Константиновна Грачёва – первый русский педагог-дефектолог. В 1894 году организовала в Петербурге специальный приют для глубоко умственно отсталых детей [27, с. 76–77]. «36 лет я прожила среди больных детей: идиотов, умственно отсталых, припадочных и калек <...> Я работала в трех учреждениях: в приюте на Белозерской с 1894 по 1910 г., в приюте на Марининской с 1920 по 1930 г., и в Эммануиловском с 1919–20 по 1930 г. <...> Всего я наблюдала 1888 детей <...> Со многими сама занималась в классе и индивидуально» [27, с. 356].

«...дети начинали умирать <...> два-три ребенка каждый день <...> им становилось трудно двигаться, они становились слабее и слабее каждый день <...> уже третий день без хлеба <...> они ели глину, которая им давалась для работы в классе <...> температура в помещениях упала до 2 градусов <...> из-за отсутствия мыла началась борьба с паразитами (вшами, клопами, блохами)» [19, с. 383].

Таким образом, провозглашенная республикой Советов новая идеологическая доктрина «охраны прав детства» и «борьбы с дефективностью» столкнулась с практикой военно-революционной реальности и границы традиционно понимаемой детской «дефективности» существенно расширились за счет беспризорных и уличных детей, или «новых дефективных». Теперь государство имело дело с «армией морально-дефективных». Забота о «дефективных» детях стала частью решения общих вопросов «моральной дефективности». В таких обстоятельствах дети с нарушениями развития практически были обречены на физическую гибель.

Новые типы учреждений для обучаемых и необучаемых детей. Социальная политика поздней имперской России опиралась на благотворительные и частные инициативы в поддержке детей с нарушениями развития. Создаваемые учреждения, как отмечалось выше, помогая дефективным детям, ориентировались не только на тип нарушения их развития (для глухих, слепых и др.), тяжесть нарушения (приюты, школы и др.), но и на их социальное происхождение, тип вероисповедания и этническую принадлежность [5]. Военно-революционные события 1914–1927 годов повлекли за собой закрытие и национализацию всех благотворительных учреждений. Общее же число учреждений для таких детей в масштабах всей страны (при всем их разнообразии) было настолько незначительным, что покрывало только 0,1 % реальных потребностей. По всей России около 2 тыс. детей были охвачены «специальной» помощью при общей потребности в 200 тыс. нуждающихся [14].

Поэтому национализация имеющихся учреждений не могла привести к существенным изменениям положения этих детей в стране.

Не менее важным является факт, что вплоть до 1950-х понятие «специальное учреждение для “дефективных” детей» не существовало. Приюты при монастырях и церквях, частные и благотворительные заведения были наиболее типичными учреждениями для «дефективных» детей в канун и во время Первой мировой войны. Сразу после революции создание «новых» учреждений для «дефективных» детей происходило за счет освобождаемых зданий. Значительный объем высвобожденных помещений в связи с антирелигиозной политикой советской власти пришелся на церковные и монастырские здания [4]. Эти здания в спешном порядке стали приспособлять к нуждам новых проживающих и переименовывать в «школы-коммуны для дефективных». Эти учреждения стали воплощением идеологического лозунга молодой Советской республики – «Все лучшее – детям» – и первой формой заботы государства о них. Таким способом решалась проблема устройства проживания «армии морально-дефективных», среди которых были «дефективные/больные» дети.

Принцип социалистического гуманизма и дефективные дети. Принцип «социалистического гуманизма» в отношении детей приобрел значение государственной важности: «Все дети – это дети страны Советов». Возведенный в приоритетные провозглашенный принцип находился под влиянием доминирующего идеологического дискурса строительства нового общества, жить и управлять которым должен был «новый» всесторонне развитый человек-труженик, воспитанный в духе коллективизма и преданный делу строительства коммунизма. Максимальное вложение физических и духовных способностей человека на благо общества пролагало путь к коммунистическим идеалам, когда «труд из средства к жизни превращался в первую жизненную потребность»⁵.

⁵Гуманизм. URL: <http://bse.sci-lib.com/article016819.html> (дата обращения: 20.01.2015).

Принцип «социалистического гуманизма» в отношении «дефективных/больных» детей виделся через призму формирования их личности в соответствии с идеями нового социалистического общества [28]. Этот тезис включал в себя идею, что дети с помощью новой педагогики и новых методов воспитания могут быть «исправлены/их развитие может быть скорректировано» и что каждый может развить себя в соответствии с идеалами нового общества.

Лозунги молодой Советской республики были полны надежд, что дети с нарушениями развития смогут стать полноправными членами нового общества. Однако этим надеждам не суждено будет сбыться. Заглядывая вперед, в 1936 год, в котором будет принята сталинская конституция «развитого социализма»⁶. Ее главный лозунг – «от каждого по способностям, каждому по труду» – сделает продуктивного работника главным «получателем» общественных благ. «Дефективные/больные» дети окажутся на периферии общества как бесполезные граждане своей страны. Отношение к ним, как к тем, кто непременно должен стать «полезным» своему обществу, будет движущей ценностью всей дефектологической науки на протяжении нескольких последующих десятилетий вплоть до перестроечного периода. Подтверждая этот исторический факт, приведем некоторые фрагменты из научной монографии Х. Замского, посвященной истории воспитания и обучения умственно-отсталых детей, где он пишет: «...задача государства заключается в том, чтобы помочь ребенку встать на ноги, вернуться в общество в качестве полезного гражданина <...> это моральная ответственность государства <...> сделать этих детей производительными членами общества, является почетной и глубоко человеческой целью» [14, с. 325–326, с. 329].

Поиск нового научного знания вместо научной филантропии. Научная филантропия в области «дефективного» детства, возникшая в недрах благотворительности, позволила накопить значительный объем эмпирического

материала о таких детях, их социальном окружении, о методах работы с ними. На примере приюта Е. Грачёвой [19] показаны возможности обобщения этих данных и использования их для координации работы не только врачей и педагогов, но и проведения более систематической работы по открытию и организации таких приютов в других городах России (это пришлось на канун Первой мировой войны) [5].

События освещаемого нами периода продолжали активно влиять на накопление знаний и формировать идеологию «заботы» о детях с нарушениями развития. В этот сложный период времени практически не прекращаются профессиональные и научные обмены с Англией, Германией, Голландией и Францией [29], организуются первые педагогические съезды и секции о работе с ненормальными детьми [29]. Формы и содержание социальных институтов «заботы» для «дефективных» детей продолжают активно обсуждаться. В этот период зарождается новое научное знание, пришедшее на смену научной филантропии, которое сразу после Октябрьской революции станет фундаментом науки о детях с нарушениями развития и регулятором государственной институциональной политики «заботы» советского времени, – дефектология. Это научное знание развивалось в недрах лечебной педагогики, и первые попытки его обоснования относятся к 1912 году [30] и принадлежали врачу-психиатру и педагогу В. Кашенко [13].

Молодая страна Советов начинала строить новую науку о воспитании человека и видела в этом огромный источник вдохновения для грядущих изменений. Научный дискурс «заботы» только начинался. Л. Выготскому, научному оппоненту педологии и философу-теоретику дефектологии, суждено будет сыграть на этом пути свою особую роль [10].

Заключение. Социальная политика в отношении «дефективного детства» военно-революционного периода 1914–1920 годов и первых

⁶Конституция. Основной закон Советских Социалистических Республик (утвержден Постановлением чрезвычайного VIII съезда Советов СССР от 05.12.1936).

лет советской власти формировалась в сложных условиях системной трансформации российской империи. Это период появления новых акторов в социальной политике, расширения границ понимания детской «дефективности», появления «новых дефективных детей и подростков», объединенных в единую «армию морально дефективных». Это период перехода от благотворительной и частной форм социального призрения «дефективных/больных» детей к государственной системе социального обеспечения и создания первых советских прототипов интернатных учреждений – школ-коммун для «морально дефективных» детей и подростков. Вместе с тем процесс расширения понимания детской «дефективности» за счет вливания в эту группу «новых дефективных» происходил на фоне дифференциации «моральной дефективности» в целом. Осмысление этой пробле-

мы накладывалось на полномочия ответственных комиссариатов и постепенно приобретало идеологическую направленность, упроченную Конституцией развитого социализма 1936 года.

Обсуждаемый в данной статье период позволил подчеркнуть, что социальная доктрина страны Советов, с самого начала прозвучавшая как доктрина социалистического гуманизма, на практике не смогла создать соответствующих условий и защитить право наиболее нуждающейся группы детского населения на полную членства в обществе.

Научный дискурс «заботы» зарождался в недрах лечебной педагогики и педологии. Дефектология, восходящая на место научной филантропии, станет фундаментом научного знания о детях с нарушениями развития и решающим регулятором социально-политических дискуссий «заботы» о них в последующие десятилетия.

Список литературы

1. Луначарский А.В. Защита детей // Изв. 1921. 24 февр.
2. Крупская Н.К. К вопросу об отмене детского труда // Собр. соч.: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. М., 1959. Т. 4. 1917–1920. С. 13–18.
3. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопр. истории. 2000. № 11. С. 134–139.
4. Мосин В.О. Становление и развитие учреждений для детей-инвалидов в России // Вестн. Том. гос. архит.-строит. ун-та. 2010. № 4. С. 93–99.
5. Kalinnikova L., Trygged S. Retrospect on Care and Denial of Children with Disabilities in Russia // Scandinavian Journal of Disability Research. 2014. Vol. 16, iss. 3. P. 229-248.
6. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. М., 1958–1960.
7. Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. Одесса, 1921.
8. Крупская Н.К. Собр. соч.: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. М., 1957. Т. 1.
9. Трошин Г.Я. Антропологические основы воспитания. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей: в 2 т. Петроград, 1915.
10. Выготский Л.С. Коллектив как фактор развития дефективного ребенка // Вопр. дефектологии. 1931. № 1–2. С. 8–17. № 3. С. 3–18.
11. Выготский Л.С. К вопросу педологии и смежных с ней наук // Педология. 1931. № 3(15). С. 12–22.
12. Басова А.Г. Очерки по истории сурдопедагогики в СССР. М., 1965.
13. Кащенко В.П., Крюков С.Н. Воспитание и обучение трудных детей. М., 1913.
14. Замский Х.С. История олигофренопедагогики. 2-е изд. М., 1980.
15. Георгиевский П.И. Помощь бедным и благотворительность. СПб., 1894.
16. Тевлина В.В. Российская империя и Запад: интеграция социальной политики. Архангельск, 2008.
17. Трошина Т.И. История социальной работы на Архангельском Севере. Конец XVIII – середина XX века: учеб. пособие. Архангельск, 2007.
18. Фирсов М.В. История социальной работы в России. М., 1999.

19. Грачёва Е.К. «Дневник: 36 лет среди больных детей» // Замский Х.С. Умственно отсталые дети: история изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века. М., 1995. С. 355–386.
20. McCagg W. The Origins of Defectology // The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice / ed. by W.O. McCagg and L. Siegelbaum. Pittsburgh, 1989. P. 39–61.
21. Кащенко В.П. Педагогическая коррекция: исправление недостатков характера у детей и подростков: кн. для учителя. 2-е изд. М., 1994.
22. Первый всероссийский съезд деятелей по борьбе с детской дефективностью, беспризорностью и преступностью. М., 1922.
23. Крупская Н.К. К вопросу о морально-дефективных детях // Собр. соч.: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова и В. Чувашева. М., 1958. Т. 2. 1918–1920. С. 148–151.
24. Крупская Н.К. Общие вопросы педагогики. Организация народного образования в СССР. М., 1923.
25. Коллонтай А.М. Борьба с царем-голодом // Известия харьковского совета и губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 13 мая.
26. Школьно-санитарное дело в РСФСР. М., 1919.
27. Дефектологический словарь / под ред. А.И. Дьячкова и др. М., 1970. С. 76–77.
28. Крупская Н.К. К вопросу о социалистической школе // Собр. соч.: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. М., 1957. Т. 2. 1918–1920.
29. Выгодская Г.Л. Лев Семёнович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М., 1996.
30. Knox J., Stevens C. Vygotsky and Soviet Russian Defectology // The Collected Works of L.S. Vygotsky. Vol. 2. The Fundamentals of Defectology (Abnormal Psychology and Learning Disabilities) / ed. by R. Rieber, A. Carton. N. Y., 1993.

References

1. Lunacharskiy A.V. Zashchita detey [Child Care]. *Izvestiya*, 24 February 1921.
2. Krupskaya N.K. K voprosu ob otmene detskogo truda [To the Question of Abolishing Child Labour]. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Papers: In 10 Vols.]. Moscow, 1959, vol. 4. 1917–1920, pp. 13–18.
3. Rozhkov A.Yu. Bor'ba s besprizornost'yu v pervoe sovetskoe desyatiletie [Anti-Homelessness Efforts in the First Decade of Soviet Power]. *Voprosy istorii*, 2000, no. 11, pp. 134–139.
4. Mosin V.O. Stanovlenie i razvitie uchrezhdeniy dlya detey-invalidov v Rossii [Formation and Development of Boarding Schools for Disabled Children in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2010, no. 4, pp. 93–99.
5. Kalinnikova L., Trygged S. *Retrospect on Care and Denial of Children with Disabilities in Russia*. Scandinavian Journal of Disability Research, 2014, vol. 16, iss. 3, pp. 229–248.
6. *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy pravitel'stva RSFSR* [Chronological Collection of Laws, Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR and Government Regulations]. Moscow, 1958–1960.
7. Kollontay A.M. *Iz moey zhizni i raboty* [On My Life and Work]. Odessa, 1921.
8. Krupskaya N.K. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Papers: In 10 Vols.]. Moscow, 1957. Vol. 1.
9. Troshin G.Ya. *Antropologicheskie osnovy vospitaniya. Sravnitel'naya psikhologiya normal'nykh i nenormal'nykh detey* [Anthropological Bases of Education. Comparative Psychology of Normal and Abnormal Children]. In 2 vols. Petrograd, 1915.
10. Vygotskiy L.S. Kollektiv kak faktor razvitiya defektivnogo rebenka [A Group of People as a Factor in the Development of Defective Children]. *Voprosy defektologii*, 1931, no. 1–2, pp. 8–17, no. 3, pp. 3–18.
11. Vygotskiy L.S. K voprosu pedologii i smezhnykh s ney naukakh [On Pedology and Related Sciences]. *Pedologiya*, 1931, no. 3 (15), pp. 12–22.
12. Basova A.G. *Ocherki po istorii surdopedagogiki v SSSR* [Essays on the History of Deaf Education in the Soviet Union]. Moscow, 1965.
13. Kashchenko V.P., Kryukov S.N. *Vospitanie i obuchenie trudnykh detey* [Education of Problem Children]. Moscow, 1913.
14. Zamskiy Kh.S. *Istoriya oligofrenopedagogiki* [The History of Oligophrenopedagogy]. 2nd ed. Moscow, 1980.
15. Georgievkiy P.I. *Pomoshch' bednym i blagotvoritel'nost'* [Help for the Poor and Charity]. St. Petersburg, 1894.

16. Tevlina V.V. *Rossiyskaya imperiya i Zapad: integratsiya sotsial'noy politiki* [The Russian Empire and the West: Integration of Social Policy]. Arkhangelsk, 2008.
17. Troshina T.I. *Istoriya sotsial'noy raboty na Arkhangel'skom Severe. Konets XVIII – seredina XX veka* [The History of Social Work in the Arkhangelsk North. Late 18th – Mid-20th Century]. Arkhangelsk, 2007.
18. Firsov M.V. *Istoriya sotsial'noy raboty v Rossii* [The History of Social Work in Russia]. Moscow, 1999.
19. Gracheva E.K. “Dnevnik: 36 let sredi bol'nykh detey” [“A Diary”: 36 Years Among Diseased Children”]. Zamskiy Kh.C. *Umstvenno otstalyye deti: istoriya izucheniya, vospitaniya i obucheniya s drevnikh vremen do serediny XX veka* [Mentally Impaired Children: History of Research, Education and Upbringing from Earliest Times to the Mid-20th Century]. Moscow, 1995, pp. 355–386.
20. McCagg W. The Origins of Defectology. *The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice*. Ed. by McCagg W.O., Siegelbaum L. Pittsburgh, 1989, pp. 39–61.
21. Kashchenko V.P. *Pedagogicheskaya korrektsiya: ispravlenie nedostatkov kharaktera u detey i podrostkov* [Remedial Education: Correction of Character in Children and Adolescents]. 2nd ed. Moscow, 1994.
22. *Pervyy vserossiyskiy s'ezd deyateley po bor'be s detskoy defektivnost'yu, besprizornost'yu i prestupnost'yu* [The First Russia-Wide Congress of Leaders on Child Defectiveness, Homelessness and Delinquency]. Moscow, 1922.
23. Krupskaya N.K. K voprosu o moral'no-defektivnykh detyakh [On Morally Defective Children]. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Papers: In 10 Vols.] Moscow, 1958. Vol. 2, 1918–1920, pp. 148–151.
24. Krupskaya N.K. *Obshchie voprosy pedagogiki. Organizatsiya narodnogo obrazovaniya v SSSR* [General Issues of Pedagogy. Organization of Public Education in the Soviet Union]. Moscow, 1923.
25. Kollontay A.M. Bor'ba s tsarem-golodom [Fighting “Tsar Hunger”]. *Izvestiya khar'kovskogo soveta i gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov*, 13 May 1919.
26. *Shkol'no-sanitarnoe delo v RSFSR* [Sanitary Procedures in Soviet Schools]. Moscow, 1919.
27. *Defektologicheskiy slovar'* [A Dictionary of Defectology]. Ed. by D'yachkov A.I. et al. Moscow, 1970, pp. 76–77.
28. Krupskaya N.K. K voprosu o sotsialisticheskoy shkole [On the Socialist School]. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Papers: In 10 Vols.] Moscow, 1957. Vol. 2, 1918–1920.
29. Vygotskaya G.L. *Lev Semenovich Vygotskiy. Zhizn'. Deyatel'nost'. Shtrikhi k portretu* [Lev Vygotsky. Life. Activities. Some Strokes for the Portrait]. Moscow, 1996.
30. Knox J., Stevens C. Vygotsky and Soviet Russian Defectology. *The Collected Works of L.S. Vygotsky. Vol. 2. The Fundamentals of Defectology (Abnormal Psychology and Learning Disabilities)*. Ed. by Rieber R., Carton A. New York, 1993.

Kalinnikova-Magnusson Liya Vladimirovna
Uppsala University; Gävle University College (Gävle, Sweden)

Magnusson Magnus

Stockholm University (Stockholm, Sweden); Institute of Philology and Cross-Cultural Communication,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

THE SOCIAL POLICY ON CHILD “DEFECTIVENESS” DURING THE WORLD WAR I, REVOLUTION AND THE FIRST DECADE OF SOVIET POWER (1914–1927)

The social policy on child “defectiveness” during the war period and the first years of Soviet power (1914–1920) was forming in the conditions of a major sociopolitical disaster. Many millions of demographic losses of potential human resources in the form of unhealthy children, high rate of infant mortality and unborn children in the decades that followed are among many other consequences of that period. Textual analysis of various historical documents relevant to the dominant political and scientific discourse in this area allowed us to determine the essence of the social doctrine of the Soviet Union and its role in understanding key actors of the new social policy on “defective” children. The term “child defectiveness” was expanding; there appeared the so-called “new defective” children – homeless and

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

street children and adolescents. Charitable and private forms of social care for “defective/sick”, children supported by the social policy of the Russian Empire, were nationalized. They were replaced by new institutions: prototypes of Soviet boarding schools (“communal schools for the morally defective”). The traditionally understood “defective/sick” and “new defective” children and adolescents formed a single “army of morally defective children”. The new social doctrine of the Soviet Union, expressed in the principle of socialist humanism, in practice (for various reasons) failed to protect the right of the most disadvantaged groups of children to integrate into the new society. The scientific discourse of *care* originated in the depths of therapeutic pedagogy and pedology. Defectology, which gradually took the place of scientific philanthropy, formed the basis for the scientific knowledge about “defective” children and directed the social and political debate over the provided *care* for them in the decades of the Soviet era that followed.

Keywords: *child defectiveness, “new defective” children, social policy, socialist humanism, special institutions.*

Контактная информация:

Калинникова-Магнуссон Лия Владимировна
адрес: Högskolan i Gävle, 801 76, Kungsbäcksvägen 47 Akademi för utbildning och ekonomi – AUE;
e-mail: liya.kalinnikova@hig.se

Магнуссон Магнус
адрес: Stockholm University, 106 91, Frescatiavg, 10, Department of special education,
e-mail: magmag48@hotmail.com

Рецензент – *Трошина Т.И.*, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности института комплексной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова